

ПРОБЛЕМА РЕФЕРЕНЦИИ: ПОИСКИ MAIN STREAM

А.В. Нехаев

г. Омск, Омский государственный технический университет

Проблема референции занимает одно из центральных мест в проблемном поле современной лингвофилософии, и именно этот – «центральный» – статус, безусловно, и предопределил лавинообразный рост разного рода концепций, искавших ее удовлетворительное решение. Тем не менее, несмотря на все разнообразие представленных на сегодня концепций, в нем можно определить две «канонические» линии, представляющие своего рода *main stream* для области решений проблемы референции.

В целом все имеющиеся исследования, посвященные проблеме референции, можно условно разделить на две линии: фрегеанскую и постфрегеанскую. Так, согласно взглядам традиции, основателем которой следует признать Фреге, все предложения обозначают «истину» или «ложь». Этот вывод Фреге, сделанный им при анализе языка, опирается на его трехчленную семантику: определенный знаковый комплекс, смысл знаков – *Sinn*, значение знаков – *Bedeutung*, – при этом природа смысла состоит в том, чтобы детерминировать референт [14; 15]. Сам факт, что смысл имеет идеальный статус, позволяет Фреге провести четкое различие между схватыванием самого смысла и представлением, сопутствующим этому схватыванию, всевозможных ментальных образов, имеющих психологически субъективный, сиюминутный характер. Таким образом, смысл в отношении к самостоятельной мировой предметности представляет собой способ тематизации обсуждаемого предмета, то есть простое принятие предмета во внимание каким-либо особым способом. Отсюда становится совершенно понятно, почему смысл индифферентен по отношению к решению вопроса о реальном существовании или несуществовании сформированных посредством этого смысла предметов, то есть для Фреге сам смысл знакового комплекса не может быть описан как истинный или ложный, он также принимается во внимание как нейтральная данность. Такая позиция Фреге во взглядах на язык позволила ему указать первоначальной задачей для любого философского исследования анализ смыслов, ведь до тех пор, пока, как считает Фреге, не достигнут хотя бы удовлетворительный анализ смыслов соответствующих выражений, нельзя ставить вопросы об оправдании и об истине, поскольку в этом случае остается неясность относительно того, что следует пытаться оправдать или истинность чего следует пытаться освидетельствовать. Оригинальность взглядов Фреге на роль смысла в определении референции и установлении истинностного значения предложений во многом предопределила направление развития для современной логической семантики, так, немного позднее позицию, очень близкую взглядам Фреге,

сформулировал Карнап, интерпретируя в своей концепции смысл как формулировку истинностных условий предложений [3].

Вслед за Фреге серьезный поворот в трактовке проблемы референции, но в русле уже постфрегеанской традиции аналитической философии, был осуществлен исследованиями Рассела, устранившего из фрегеанской семантики тот самый медиальный элемент, который фиксирует мир в качестве имманентной данности в языке и которым для Фреге являлся смысл

– *Sinn*. Вместо четкого фрегеанского различия *Sinn* и *Bedeutung* Рассел вводит единое, понимаемое явно натуралистическим образом – *meaning*, или значение, и хотя, безусловно, важную роль в семантике Рассела играет термин «пропозиции» – *proposition*, обозначающий для него структурное единство полного предложения, которое состоит из своих конституэнтов – что, кстати, более или менее соответствует фрегеанскому понятию «мысль», то есть *Gedanke*, используемого Фреге для обозначения смысла сложного выражения, являющегося при этом полным предложением, – но, тем не менее, в том случае, когда один из синтаксических элементов предложения является именем собственным, тогда, по Расселу, конституэнт пропозиции будет не смысл, то есть *Sinn*, как у Фреге, а значение – *meaning*, то есть сам предмет реального мира [13; 4, с. 3-25], что для Фреге было бы совершенно неприемлемым, поскольку в этом случае в идеальную сферу, какой для него является смысл – *Sinn* или мысль – *Gedanke*, вдруг попадают реальные вещи. Иными словами, двучленная семантика Рассела напрямую связала язык и мир реальных вещей, что должно было позволить непосредственно «иметь дело с самим этим миром», а это, по сути, является пусть и в сильно измененной форме, но возвратом к дофрегеанской традиционной трактовке референции, отстаиваемой еще Дж. С. Миллем, считавшим, что мир предстает перед нами уже разделенным на предметы и все, что мы должны сделать – это научиться прикреплять определенный ярлык к определенному предмету [7]. Хотя необходимо отметить, что взгляды Рассела на проблему референции в этом смысле, разумеется, не являются простым дериватом миллевской позиции. Так, он отнюдь не случайно избегает именно миллевских терминов «означает» – *signify*, или «обозначает» – *denote*, используя вместо них слова «выражает» – *express*, или «является символом для...», поскольку, как полагает Рассел, отношения между предложением и фактом, то есть акты референции, совершенно отличны от тех, которые имеют место между именем и именуемой вещью. В целом, именно обнаружение ряда сложностей в различении, лежащем в основаниях миллевской трактовки референциального акта, – согласно которому языковые единицы могут указывать на объект либо просто его именуя, и тогда имена рассматриваются как *денотативные термины*, то есть как ярлыки объекта, ничего не сообщающие о его свойствах, либо его описывая, что подразумевает использование *коннотативных терминов*, которые обозначают объект и предполагают наличие у него некоего атрибута, – что, по сути, и делает явным различие между двумя способами указания на объект, послужило для Рассела, наряду с попытками рассматривать существование в терминах квантификации, источником для построения его собственной дескриптивной теории референции, предполагавшей отождествление имен со

своего рода «скрытыми дескрипциями» [12, с. 15- 21].

Принципиальное расхождение Фреге с Расселом состояло в том, что Фреге, отступая от корреспондентной теории истины, утверждал, что мы не можем схватить мир кроме как посредством смысла предложений и что, подобно именам собственным, предложения имеют как смысл – суждение, выраженное в предложении, так и референцию – истина или ложь, в то время как Рассел не проводил различия между смыслом и референтом, когда он рассматривал подлинные имена собственные, поскольку именно *meaning* – значение имени собственного, то есть сам предмет, на который имя указывает, являлся для него действительным конституэнтom пропозиции, что собственно только и позволяло напрямую связать язык и мир [11, 12]. Взгляды Рассела на референцию были также подкреплены появлением в русле аналитической философии «антименталистского направления» Патнэма и Крипке, которые подвергли острой критике Фреге именно за его утверждения о том, что смысл языкового выражения определяет его предметное значение, или референцию, а это значит, что референтом слова будет тот объект, который удовлетворяет характеристикам, включенным в смысл этого слова, или, иными словами, удовлетворяет тем дескрипциям, которые связываются с данным словом. В противовес фрегеанскому взгляду на референцию «антименталисты» утверждают, что референция важнейших категорий языка: имен собственных, терминов естественных видов и индексальных выражений, устанавливается без посредства смысла, при этом следует отметить, что критика понятия «смысл» не в последнюю очередь связана с трудностью его анализа логико-математическими методами, а также сложностью его выражения в формализованном виде, но в целом

«антиментализм» является несколько измененной, а именно привлекающей новые средства аргументации, попыткой представления отношения между языком и миром как прямого, не опосредованного никакими ментальными сущностями [8, 9, 10]. Так, если согласно фрегеанской теории имен собственных смысл определяет референцию, то Крипке переворачивает это отношение, утверждая, что имена собственные не могут иметь смысла, поскольку то, что приписывается референту имени собственного его смыслом, может и не быть истинным, аргументируя затем это посредством привлечения логики возможных миров [5].

Но, тем не менее, успехи сторонников расселовской двухчленной семантики, с одной стороны, и приверженцев «антименталистских» позиций в решении проблемы референции – с другой, все-таки не следует рассматривать в качестве примера позиций, выработавших решающий контраргумент против концепций, выполненных в русле фрегеанской традиции, поскольку волна критики, направленная против трехчленной семантики Фреге и предлагаемого им решения проблемы референции, была в значительной мере ослаблена ремиссией интереса к его концепции. В частности, несмотря на всю критику, в лингвофилософии произошел возврат к фрегеанской трехчленной семантической конструкции, сторонником которой следует указать Куайна, который в противовес «нестрогой семантике» Рассела настаивает на четком различении между *meaning* и *reference*, в этом случае *meaning* уже обозначает

похожий на фрегеанский медиальный элемент. Таким образом, в противовес Расселу, согласно взглядам Куайна, язык отсылает не к абсолютной реальности, а к некоторой промежуточной структуре в субъектно-объектном процессе познания – к универсуму рассуждений [6, 1, 2].

Итак, взгляд на проблемное поле современной лингвофилософии, связанной с поисками и обоснованием удовлетворительной теории референции, открывает нам вид на две линии: «менталистская» Фреге- Карнап-Куайн и «антименталистская» Рассел-Крипке-Патнэм, – которые в процессе своего становления оказываются тесно переплетены нитями взаимной критики и полемики. Следует отметить, что обе линии сумели выработать достаточное число аргументов в свою защиту, имеют наиболее представительные позиции в современной лингвофилософии и, соответственно, могут рассматриваться как своего рода русла *main stream* в области решения проблемы того, каким образом элементы нашего языка указывают на мир или его отдельные фрагменты.

Библиографический список

1. Гудмен, Н. О некоторых различиях, касающихся значения / Н. Гудмен // Способы создания миров. – М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – С.351-362.
2. Гудмен, Н. О сходстве значения / Н. Гудмен // Способы создания миров. – М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – С.339-350.
3. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап // Вестник Московского Университета. Сер.7. Философия. 1993. –№ 6. – С.11-26.
4. Котарбиньский, Т. О таких семантических отношениях, как высказывание, обозначение и другие / Т. Котарбиньский // Элементы теории познания, формальной логики и методологии наук. – Биробиджан: ИП «ТРИВИУМ», 2000. – 159 с.
5. Крипке, С.А. Очерк теории истины / С.А. Крипке // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – С.151-183.
6. Куайн, В. О том, что есть / В. Куайн // Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С.102-183.
7. Милль, Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Дж.С. Милль. – М.: КомКнига, 2011. – 832 с.
8. Патнэм, Х. Значение «значения» / Х. Патнэм // Философия сознания. - М.: Дом Интеллектуальной книги, 1999. – С.164-235.
9. Патнэм, Х. Как нельзя говорить о значении / Х. Патнэм // Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С.146-163.
10. Патнэм, Х. Философия логики / Х. Патнэм // Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С.103-145.
11. Рассел, Б. Исследование значения и истины / Б. Рассел. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 400 с.
12. Рассел, Б. Об обозначении / Б. Рассел // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – С.7-23.

13. Рассел, Б. О пропозициях: Что они собой представляют и каким образом обозначают / Б. Рассел // Избранные труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – С.224-258.

14. Фреге, Г. Мысль: логическое исследование / Г. Фреге // Избранные работы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. – С.50-75.

15. Фреге, Г. О смысле и значении / Г. Фреге // Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С.230-246.